

Л. Хачева

Независимый исследователь, Санкт-Петербург

**М. А. Кузмин в дневниках
О. Н. Арбениной-Гильдебрандт**

*Я знала его так много лет, что
«прошлое» как-то подернулось
туманом – годы слились в одно,
и внешний облик в памяти –
почти без изменений.¹*

Ольга Николаевна Арбенина-Гильдебрандт² (1897/8–1980) – актриса, художница, мемуарист, адресат стихов О. Э. Мандельштама, Н. С. Гумилева, М. А. Кузмина, Б. К. Лившица и др. Ольга Николаевна вела дневник всю жизнь, но, к сожалению, часть записей (дневники за 1910–1930 годы) утрачена в годы блокады. Сохранилась пятнадцатая тетрадь (август–декабрь 1916), а также записи с 12 октября 1940 года до конца 1947 года и с 21 мая 1949 года до конца 1978 года.

Дневники хранятся в ЦГАЛИ СПб (Ф. 436, оп. 1, ед. хр. 5–25)³ (передал А. М. Шадрин⁴) и в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (Ф. 2, оп. 3, ед. хр. 28)⁵ (передал Р. Б. Попов⁶).

Дневники ленинградского периода (1940–1941 и 1949–1978) представляют собой тонкие и толстые тетради, их сохранность удовлетворительная и записи хорошо читаются. Некоторые дневники Уральского периода⁷ — это сшитые в тетрадь листы, или отдельные листы, собранные в дневник. Часть текстов написана плохими чернилами или карандашом, что порой делает затруднительным точную их расшифровку. Иногда листы в дневниках перепутаны. Так, например, в записях 1942 года обнаружены листы из дневника 1965

года. В некоторых тетрадях между страницами вложены листочки со стихами, трамвайный билетик, билет в Филармонию. Объем сохранившихся записей — около 1200 листов.

Дневник О. Н. Арбениной-Гильдебрандт не издан полностью. На сегодняшний день самая большая подборка ее дневниковых записей опубликована в книге «Девочка, катящая серсо».⁸

Мне удалось прочесть и расшифровать все известные сохранившиеся рукописные дневники Ольги Арбениной-Гильдебрандт. Читателю предлагается подборка выбранных мест.⁹ Учитывая то, что, объем дневниковых записей очень велик, а упоминания о М. А. Кузмине часто краткие, по своему характеру напоминающие эмоциональный всплеск, и разнесены во времени, публикация всех записей о Кузмине в хронологическом порядке была бы очень громоздка, поэтому был избран тематический принцип изложения материала (с пониманием всех изъяснов с ним сопряженных).

Отметим, что дневниковые записи иногда перекликаются с воспоминаниями о Кузмине,¹⁰ написанными Ольгой Гильдебрандт в 1970-е годы. Однако они представляют для нас интерес, не столько как источник информации, хотя и в этом плане встречаются неожиданные и любопытные «находки», а прежде всего, как свидетельство подлинно эмоционального, человеческого отношения Ольги Гильдебрандт к Кузмину, как доказательство той крепкой связи, которая была при жизни поэта и не прекратилась после его смерти.

Отрывки из дневниковых записей Ольги Арбениной-Гильдебрандт публикуются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, однако в нескольких местах оставлено специфическое авторское написание.

Ольга Николаевна всегда считала Кузмина одним из лучших русских поэтов и с юности любила его стихи за «мажорную певучесть и мажорную эстетичность».¹¹ В 1916 году юная Олечка Арбенина, очевидно под воздействием поэтических образов Кузмина, записала в дневнике:

Кузмин — эхо. О, льются пасторальные, свирельные напевы, стих легкий, прозрачный, подобный стиху Дельвига или юного Пушкина; золотой песок сквозит через стекло речки. Сценки шаловливые и сладко-печальные, игривые и томно-волнующие 18-го века... Ватто и Моцарт... Потом —

русская деревня, золотое сено, деревенск<ие> Вани в розовых рубахах, загорелые. И надо всем — юный отрок в поле ржи, золотой, смелый и требовательный, со стрелами — Амур. Возлюбленный — жестокий и нежный, — подобный древнему Антиною. Его глаза — темные фиалки. Он берет стрелу и пронзает сердце поэта. И тот падает к его ногам, и напевает покорно — то акафист Богоматери, то песенку египетской черной женщины. (ЦГАЛИ СПб, 5, 41 об.-42).

Ольга Арбенина была натурой творческой, писала стихи и прозу, много читала, в том числе, журнал «Аполлон». ¹² Поступив в 1916 году на Императорские театральные курсы, она мечтала познакомиться с Кузминым.

30 ноября 1916:

В «М<едном> Вс<аднике>» вечер Кузмина ¹³. Опять будут поэты — и без меня. (ЦГАЛИ СПб, 5, 32 об.).

Через четыре года актриса Ольга Арбенина, связав свою судьбу с Ю. И. Юркуном, ¹⁴ войдет в ближний круг Кузмина и станет фактически членом его семьи. Пятнадцать лет дружбы, а потом долгая память о поэте. Несомненно, М. А. Кузмин оказал огромное влияние на становление О. Н. Арбениной-Гильдебрандт как человека и творческой личности, художника. В дневниках, написанных после смерти поэта, мы встречаем сотни упоминаний его имени. Но в этих записях Кузмин уже *эхо*, воспоминание. Поэт остался для Ольги Николаевны ориентиром в творчестве, человеком, дружбой с которым она гордилась.

Кузмин посвящал Ольге Арбениной чудесные стихи, ¹⁵ называл ее «Симонеттой — Душой Возрождения, и Тюхе — Вестницей Жизни». ¹⁶

13 ноября 1945:

А М<ихаил> Ал<ексеевич> Кузмин говорил, что это будто про меня сказал он «и щеки, что розы — *gloire de Dijon*...» ¹⁷ (ЦГАЛИ СПб, 11, 14).

5 апреля 1946:

Мих<аил> Ал<ексеевич> говорил, что у меня цвет кожи — как у роз «*gloire de Dijon*». Я всегда мечтала, чтобы

моим именем называли сорта роз и корабли... (ЦГАЛИ СПб, 12, 11).

17 декабря 1945:

Первым подарком мне от Мих<аила> Ал<ексеевича> была книга «Гетевский календарь», со всеми его возлюбленными, книжка, которую я берегла всю жизнь. После он подарил мне духи и картину Боттичелли «Венера и Марс», которая всегда у меня висела. (ЦГАЛИ СПб, 11, 20).

18 марта 1946:

Мне надо было умереть в 1934 г<оду> Как много народу плакало бы обо мне! Кузмин написал бы трогательные строчки обо мне. А Юрочка, как Данте после смерти Беатриче, вырос бы до настоящей своей вершины. <...> И мне не надо было бы самой оплакивать всех, кого я люблю — и саму себя, которую я совсем не люблю больше. (ЦГАЛИ СПб, 11, 43 об.).

29 сентября 1955:

...я чувствую, что зря не умерла несколько лет назад — лучше всего бы при жизни Мих<аила> Ал<ексеевича>, когда меня оплакивали бы и стихами, и слезами. (ЦГАЛИ СПб, 20, 7).

О. Н. Гильдебранд вспоминала, что рисовать она начала именно в доме Кузмина и часто ее акварели рождались под музыку Россини, Моцарта, Дебюсси.

29 мая 1946:

Сейчас «Лакмэ» из Москвы <трансляция по радио>... Вспоминаю Михаила Алексеевича, свои акварели, круглый стол, разных гостей... (ЦГАЛИ СПб, 12, 30).

16 июля 1946:

Сейчас был прекрасный концерт из Москвы, какой-то француз, по имени Жак, а фамилию не поняла, играл Дебюсси. Сколько картинок я нарисовала, когда М<ихаил> Ал<ексеевич> играл эти прелюды! (ЦГАЛИ СПб, 13, 4).

Октябрь 1946:

По радио как-то были Итал<ьянские> картинки Россини, которые так часто играл Мих<аил> Алекс<еевич>. (ЦГАЛИ СПб, 13, 17).

12 декабря 1946 <в дневнике ошибочно 12 ноября — Л. Х.>:

...по радио шла передача Моцарта, очень хорошая. Вспомнила Мих<аила> Ал<ексеевич>. Моцарт — его Боже-ство. (ЦГАЛИ СПб, 12, 29).

18 апреля 1947:

Сейчас передача Россини. Сколько раз Мих<аил> Ал<ексеевич> играл «Итальянку в Алжире», «Сороку-воровку», «Моисея»... а я рисовала. (ЦГАЛИ СПб, 14, 2).

8 декабря 1952:

Вечером была в балете, на моей обожаемой «Коппелии». Вот где я вспоминала Мих<аила> А<лексеевича>, который так часто играл эту музыку, а я — рисовала — и Юрочку, сказавшего, что я внешне Коппелия. (ЦГАЛИ СПб, 18, 20).

14 февраля 1953:

Вчера смотрели чудную картину «Моцарт»,¹⁸ вспоминая Мих<аила> Ал<ексеевича>, боготворившего Моцарта, и моего Юру. Не только музыка, но и игра прекрасны, даже пудель играет. <...> в облике Моцарта даже много общего с папой¹⁹, хотя папа был громадный, а исполнитель М<оцарта> небольшой. Я даже плакала. (ЦГАЛИ СПб, 18, 27).

22 апреля 1953:

...чудная музыка — память о Мих<аиле> Ал<ексеевиче>, и аккомпанемент моих картинок. (ЦГАЛИ СПб, 18, 34 об.).

9 октября 1955:

Эти дни были хорошие передачи; тр<етьего> дня увертюра к «Осаде Коринфа» <Россини>, Мих<аил> Ал<ексеевич> ее играл, а я рисовала — я обожаю ее... (ЦГАЛИ СПб, 20, 8 об.).

Из дневников О. Н. Гильдебрандт мы узнаем, что Кузмин, заражаясь творчеством своих друзей, иногда тоже рисовал:

23 августа 1956:

Сег<одня> во сне был Лев Льв<ович> <Раков>²⁰, мы с ним танцевали <...> нос в профиль был не его — столько рисовал его милый профиль М<ихаил> Ал<ексеевич> (да и я)... (ЦГАЛИ СПб, 20, 27).

Читая некоторые записи, понимаешь какие уважительные отношения связывали Кузмина и Ольгу Николаевну, как деликатно, бережно, участливо относились они друг к другу. В ее дневниках Кузмин — родной человек, который и поплачет, и пошутит, и даст совет мудреца.

4 марта 1946:

Вспоминаю прекрасное письмо Мих<аила> Ал<ексеевича>, старавшегося меня утешить из-за моего трагического гороскопа. Он стеснялся дать его сам и передал через Юру. Все дурное случилось — хорошего — ничего... (ЦГАЛИ СПб, 11, 38 об.).

30 марта 1947:

М<ихаил> Ал<ексеевич> заплакал, когда я прочла ему записанный сон; и Всеволод Петров²¹ тоже. (ЦГАЛИ СПб, 14, 110).

13 июня 1946:

А на днях по радио говорил Тихонов²². Как я когда-то влюбилась в него (по портрету!) Мих<аил> Ал<ексеевич> дразнил меня им. «Ваш Тишка красный, как свекла...» (Это когда мы встретились на улице.) У него была репутация самого настоящего Дон-Жуана. (ЦГАЛИ СПб, 13, 1 об.).

25 марта 1946:

Мих<аил> Ал<ексеевич> говорил, что мечтать вредно. Мечты сгоняют с жизненного пути счастливые реальные события. (ЦГАЛИ СПб, 12, 6 об.).

30 апреля 1966:

...говорили, что кто-то разбирает дневники К<узмина>, и он очень зло расправляется с современниками. Он и учил смотреть на всех как на сволочей — по крайней мере будут хорошие неожиданности. (Дневник, 3).

Из дневников О. Н. Гильдебрандт мы узнаем некоторые милые подробности:

19 мая 1945:

А к<a> к прыгали воробьи в Ботаническом Саду? Их любил Михаил Ал<ексеевич>. Птички Афродиты. Я научила Юру прелести запаха белых пионов. (ЦГАЛИ СПб, 10, 19 об.).

13 сентября 1950:

В больнице, очень грустно. <...> Читаю Толстого, кормлю воробьев. Они такие миленькие и М<ихаил> Ал<ексеевич> их любил. (ЦГАЛИ СПб, 15, 26).

9 августа 1953:

Сег<одня> вечером ходила в Михайл<овский> сад. Дама кормила воробьев. (Птички Афродиты — любимцы Мих<аила> Алексеевича). (ЦГАЛИ СПб, 18, 48 об.).

1 сентября 1955:

...еще была в Павловске. Я чуть не плакала, сколько погибло деревьев! Разглядела статуи (спасенные) <...> Вспоминала дороною Юрочку (Сколько мы тут гуляли! И под дождем спасались под деревьями Сильвии, которых нет!) — Я потрогала смешных львов на парадной лестнице — к ним при-трагивались не только Юра, но и Мих<аил> Алекс<еевич>. (ЦГАЛИ СПб, 20, 2 об–3).

10 января 1958:

Как в жизни нашей противно, что помимо смерти, болезни, тюрьмы, разорения, измены действуют еще мелкие злые силы («тесноты» как говорил М<ихаил> Ал<ексеевич>), которых вполне можно было избежать. (ЦГАЛИ СПб, 21, 11).

18 июня 1963:

Да, еще крики по радио о летчице <В. Терешковой>. Мет<альников>²³ слышал, как пьяный говорил: «Да, уж если сучки летают в космос...» Я не люблю всего этого, и эта девка, конечно, рекламистка. Одно хорошо — что она ярославка, как Мих<аил> Ал<ексеевич>. (ЦГАЛИ СПб, 24, 6–6 об.).

21 марта 1976:

Стало холодно. Опять — зимнее солнце, которого я терпеть не могу, — и которое любил М<ихаил> Ал<ексеевич>. (ЦГАЛИ СПб, 25, 51 об.).

В дневниковых записях Ольги Гильдебрандт большое место занимает описание снов. К гороскопам, гаданиям и снам она относилась серьезно, считая их знаками судьбы, подсказками. Иногда создается впечатление, что сны для Ольги Николаевны были более реальны и желанны, чем повседневность; в снах она была не одна, любимые люди были живы.

1 марта 1942:

Сегодня день смерти Мих<аила> Алекс<еевича>. Идти в церковь было трудно. <...> Во сне был и Мих<аил> Ал<ексеевич>, но помню смутно. Потом в журнале статья, где неблагоприятно о «Шведских перчатках»²⁴. Мне это было неприятно; очень. Но зато после... дом в Лондоне. Я выбираю для Юры дивную комнату: <...> 4 окна: из одного вид на Лондонскую улицу, не очень широкую, из другого — на туманный канал; из двух — вид — на прелестный парк — в одном — пруд, в другом — зеленая роща и лужайки...

Мы свободны, богаты, счастливы, кажется. Неужели это только сон, и этого никогда не будет?.. (ЦГАЛИ СПб, 7, 77).

10 мая 1942:

Во сне Мих<аил> Алекс<еевич> говорил, что Юрочка, наверное, жив. (ЦГАЛИ СПб, 7, 67 об.).

28 мая 1943:

Во сне (под средю) видала моего дорогого Юрочку. Сперва мы ходили с Мих<аилом> Алекс<еевичем> долго его искали, и нашли, наконец, под утро, в номере какой-то гостиницы, капризного, но милого. (ЦГАЛИ СПб, 8, 32).

29 апреля 1944:

(Михаил Ал<ексеевич> снился тоже — его черные, блестящие, горячие глаза — живой!..). (ЦГАЛИ СПб, 9, 14 об.).

14 сентября 1944:

Как-то был сон про М<ихаила> Ал<ексеевича>. Он обвинял Юру в плохом «ведении хозяйства». Впадал в истерику. (ЦГАЛИ СПб, 9, 29).

17 августа 1946:

Во сне видала Юрочку. У него был сыр, он лежал почему-то на полу, но на стеклянных досочках. Я ела этот сыр. Юра был молоденький. М<ихаила> Ал<ексеевич> был жив. (ЦГАЛИ СПб, 13, 11 об.).

9 февраля 1947:

Под пятницу видела во сне Мих<аила> Ал<ексеевича> и Юру. Они переезжали на другую квартиру. Балконообразные комнаты. Цветы. На земле раскиданы пестрые картинки. Они превращаются потом в реальных людей и события. (ЦГАЛИ СПб, 13, 39).

21 февраля 1947:

Под понед<ельник> во сне мы сидели трое, обнявшись — М<ихаил> Ал<ексеевич>, Юра и я — чего, конечно, никогда в жизни не было. (ЦГАЛИ СПб, 13, 40 об.).

11 декабря 1947:

Видала во сне Антона Шварца²⁵. Сегодня — Мих<аила> Ал<ексеевича> <нрзб.> — я у него быстро спросила: жив ли Юра? Здесь он, или на том свете? В глазах М<ихаила> Ал<ексеевича> был ужас. (ЦГАЛИ СПб, 14, 101 об.).

13 июля 1949:

Сегодня во сне Мих<аил> Ал<ексеевич> и Юрочка. Я лежу где-то в районе, (езжу за самодеятельностью), но М<ихаил> Ал<ексеевич> недоволен, что я тут улеглась. Я кротко ухожу в другое место. <...> Юра входит. Я полураздетая и мне дурно. Он берет меня на руки и несет, как бывало так часто в дни моей молодости... (ЦГАЛИ СПб, 15, 15 об.).

20 сентября 1950:

Сег<одня> во сне телефонные разговоры... — Потом Юра и Мих<аил> Ал<ексеевич> — живые; мемудрама со страстями Господними... <...> Моя ли смерть, или Юрочкина? У М<ихаила> Ал<ексеевича> были блестящие черные глаза, к<a>к в жизни, — молодые. (ЦГАЛИ СПб, 15, 27 об.–28).

22 апреля 1953:

Сны забываю, и только под пятницу — (?) танец на проволочке — чей-то... <...> Мы с Юрой торопимся через пре-

грады — почти историческая обстановка, «римские» заграждения. Мих<аил> Ал<ексеевич> с кошечкой на руках. И еще мальчик, без родителей. У М<ихаила> Ал<ексеевича> блестят его черные глаза. Обстановка театральная: род балдахина, хотя зал не театральный, но очень большой, как площадь. (ЦГАЛИ СПб, 18, 35).

18 сентября 1954:

Часто снится М<ихаил> Ал<ексеевич>. (ЦГАЛИ СПб, 19, 11 об.).

18 ноября 1959:

А во сне был Мих<аил> Ал<ексеевич> с *petits-jeux* <маленькие игры (*фр.*) — Л. Х.> и Юрочка мой — в автомобиле. (ЦГАЛИ СПб, 23, 7 об.).

10 сентября 1954:

Я почти не спала, но в мимолетном сне видала и поцеловала Мих<аила> Ал<ексеевича>. (ЦГАЛИ СПб, 19, 10 об.).

22 марта 1963:

Сны... В день именин Юры (или после сразу) он был сам, веселый и молодой. Но все было как в подв<одном> царстве или в безв<оздушном> пространстве — какая-то пирушка, неустойчиво двигались люди — в воздухе. Был и М<ихаил> Ал<ексеевич>. Тоже улыбался. (ЦГАЛИ СПб, 24, 3).

22 апреля 1965:

Снились мама²⁶ и Маруся²⁷, Мандельштам²⁸ и Мих<аил> Ал<ексеевич> и Юрочка — и аллеи мокроватые — я всегда боюсь — не за себя — а за чужую смерть. (ЦГАЛИ СПб, 7, 3).

17 марта 1978:

Во сне (как-то) был Мих<аил> Ал<ексеевич> с веселыми черными глазами... (ЦГАЛИ СПб, 25, 85 об.).

Ольга Николаевна чувствовала себя виноватой перед Кузминым и воспринимала удары судьбы как наказание за то, что разрушила «дом» поэта, который ему почти получилось построить с Юркуном. Она писала о том, что Юркун также чувствовал вину перед Кузминым, и, конечно, был виноват.

17 июня 1949:

Юрочка дорогой разрушил дом Кузмина, уйдя от него ко мне, — и не построил своего — для меня. Как-то он один?.. Может быть, я тоже скитаюсь бездомной только за то, что отняла покой другого человека — хоть и помимо своей воли? И за то, что не послушалась голоса первой своей любви — Гумилева²⁹ — и встала добровольно на такие *шаткие* мостки?.. Как во сне: все провалилось в бездну!.. (ЦГАЛИ СПб, 15, 10).

Ознакомившись с мнением о себе в дневнике Кузмина Ольга Николаевна очень удивилась:

17 июня 1949:

...Вс<еволод> <Петров> принес дневник и пьесы, бывшие у него. Как много неправды в чужих мнениях!.. Я являюсь в дневнике М<ихаила> А<лексеевича> какой-то капризной и властной женщиной; а между тем, я всегда «убегающая», и при малейшем недовольстве мной готовая отойти чуть не навсегда. Юрочке доставало меня ежечасно, и он требовал моего присутствия вечно при себе. (ЦГАЛИ СПб, 15, 9 об.).

Много размышляла О. Н. Гильдебрандт о том сложном положении, в котором оказалась...

28 марта 1946:

Дружба Мих<аила> Ал<ексеевича> и Юры всегда была понимаема и ценима мной очень высоко; мучила и терзала меня материальная зависимость моего Юрочки, — злая его судьба, поставившая его в подневольность — хотя бы и одного из лучших людей... (ЦГАЛИ СПб, 12, 7–7 об.).

12 сентября 1953:

Ведь с Юрочкой, которого я любила очень, конечно, все было печально — даже замуж выйти было нельзя! (Я не говорю о фате и флер д'оранже, где уж!) — Меня угнетало его прошлое, и будущее... всего менее хотела я смерти человека, к которому по-человечеству <так! — Л. Х.> была привязана как к родителям и к Лине Ивановне³⁰; и которого, как поэта, сильно любила — и теперь люблю, как наилучшего из самых любимых... (ЦГАЛИ СПб, 18, 53 об.).

19 августа 1944:

Но сон про Юрочку был так неприятен. М<ожет> б<ыть>, я зря жду его верой и правдой? Или он давно погиб?.. Я его всегда любила больше всех, но у нас так грустно сложилась

жизнь — то материальная зависимость от М<ихаила> Ал<ексеевича> и невозможность уехать вдвоем куда-нибудь хоть ненадолго, — то другие заботы, — но всегда что-нибудь!.. Я рвалась к независимости и радости. (ЦГАЛИ СПБ, 9, 24 об.).

9 марта 1963:

М<ихаил> А<лексеевич> предупреждал, чтоб он меня, хорошую девушку не трогал — и с Гумилевым, с которым мне было лучше, пришлось расстаться... (ЦГАЛИ СПБ, 24, 2).

13 ноября 1947:

Господи!.. Вся моя жизнь была отравлена моим позором. Я верила в любовь Юрочки, он меня понимал, и я стала рисовать — и все восхищались мной. Но его прошлое и его положение не давали мне покою. Никогда я не была счастливой... По-настоящему! Ни на лужайках Павловска полных цветов, ни в наших комнатах, усеянных фанерками и листками, — несмотря на настоящее Искусство — и настоящую Любовь... <...> Я сама виновата. Я не так выбрала, не так поступила, не так поняла. Но — где? И — когда?.. Где и когда был этот заколдованный камень, где разбежались в разные стороны многие дороги? Где и когда надо было решать? И почему я ошиблась? Что было бы истиной? Правильным решением? Чистым по духу, и мудрым — по земному. Или это — разное? (ЦГАЛИ СПБ, 14, 90–91 об.).

25 марта 1946:

Я все думаю: может быть я зря не уехала с Бахрушиным³¹? Юра заклинал меня моей молодостью — которая пропала бы скорее от союза с Б<ахрушиным>, — и жалостью и любовью к Кузмину. Юра сказал, что без меня он бы не выдержал — слишком трудно было ему в ту пору... (ЦГАЛИ СПБ, 12, 5 об.).

Невозможность оставить дорогих людей, предать любовь и дружбу не позволили Ольге Николаевне изменить судьбу.

Дневниковые записи О. Н. Гильдебрандт проникнуты личной интонацией. В них она жалуется на свою неудачную жизнь, называет себя «плакальщицей»,³² просит помощи у Бога, у любимых ушедших уже людей, и надеется на встречу «там».

18 февраля 1945:

Жизнь как не жизнь... Будто замурована... Мама! Помогите! Лина Ивановна, Кулинька, помогите!! Помогите, Михаил

Алексеевич, и Вы, Николай Гумилев, мой любимый друг, и Вы, Алексей Алексеевич,³³ так рано ушедший из этой жизни... Куда? — в ту, другую?.. Какую?.. Куда? Только к мертвым и могу обращаться за помощью. (ЦГАЛИ СПб, 10, 2 об.).

30 ноября 1947:

А думать о смерти — страшно! Все-таки страшно. Если бы знать, что там я встречу своих милых — маму и Лину, бедного Алешу³⁴, Гумилева, Никса³⁵ и Лёничку,³⁶ Михаила Алексеевича. И главное — юность мою!.. (ЦГАЛИ СПб, 14, 98 об.).

28 декабря 1950:

Ходишь по свету и мерзнешь, — душа уже не тут, <ото-му> <то> на том свете все те милые, кого я люблю, а здесь почти никого не осталось. Жалко саму себя до слез. Где Юрочка? Есть ли Бог?.. (ЦГАЛИ СПб, 15, 87).

17 февраля 1951:

Ведь грустно, если папа и мама, Лина Ивановна и Михаил Алексеевич, Лёничка и Алек<сей> Ал<ексеевич>, Г<умилев> и Юрочка (Юрочка?..) «там» будут чужими, не обрадуются моему приходу, не поговорят об интересных вещах, не простят в чем была виновата?.. (ЦГАЛИ СПб, 15, 95).

24 октября 1954:

Если бы я сумела поверить в «жизнь вечную», не в Нирвану, — а в толпу отошедших родных и любимых друзей, — которые меня встретят... (ЦГАЛИ СПб, 19, 16 об.).

О. Н. Гильдебрандт молилась за своих ушедших родных, часто посещала храм.

30 ноября 1954:

Я не так религиозна, чтоб мне было интересно ходить в церковь. Я не люблю кладбищ и не очень люблю ходить в церковь. Я делаю это в память любимых моих людей, из почтения к их посмертной судьбе, из почтения к Богу. Я считаю это долгом; но я не веселюсь душевно, и даже редко — успокаиваюсь — от церкви. Но если я не иду долго, я мучаюсь. (ЦГАЛИ СПб, 19, 21 об.).

9 марта 1963:

В церкви на куполе один из летящих ангелов — в туманно-розовом и светло-синем — очень красивое ангельское создание. Я в детстве любила образ Ангела... Как у Михаила Ал<ексеевича> в «Крыльях» «на щемящих крыльях любви...».³⁷ (ЦГАЛИ СПб, 24, 2 об.).

30 апреля 1951:

Под Пасху ходила одна к Спасской церкви³⁸; <...> — Те же деревья, что когда-то, — и будто выросшие мальчишки на ограде — не воробьями, а дроздами, что-ли, или галками... Бедный Мих<аил> Ал<ексеевич>, бедная моя мама, Кулинька и Алеша, — и самый бедный Юрочка... Где он?.. (ЦГАЛИ СПб, 16, 4).

В предпасхальные дни Ольга Николаевна всегда вспоминала Михаила Алексеевича: как вместе они стояли на Пасху в церкви на 6-й Советской (Рождественской), ходили в Спасскую («Юрочкину») церковь. Строку Кузмина «Алым ударит в ставни»,³⁹ в память о дорогом друге, она каждый год записывала в дневнике, как будто отчитывалась за прожитый год. (...1952, 1953, 1954, 1955, 1956, 1957, 1958, 1959, 1960...)

15 апреля 1946:

Скоро Пасха. Бедной мамочки любимый праздник! Ландыши и гиацинты моего детства... Чудные куличи, светлые платья... А после — Юрочкина любовь и дружба Мих<аила> Ал<ексеевича> сколько лет подряд освящавшие этот праздник. (ЦГАЛИ СПб, 12, 20 об.).

5 мая 1945:

Канун Пасхи... «Волною морскою...»⁴⁰ Вторая Пасха без мамы. Сколько лет мы ходили троим: Михаил Ал<ексеевич>, Юра и я. Потом ходили «стоять у церкви» с Ек <атериной> Ник<олаевной> <Шадринной — Л. Х.>,⁴¹ и я сберегала на память для Юрочки трамв<айные> билеты (которые были, когда я ехала в Юрочкину Спасскую церковь) <...> Юрочка мой!.. Только бы он был жив и прочел когда-нибудь эти строчки, и узнал, как я любила его. (ЦГАЛИ СПб, 10, 11 об.–12).

10 апреля 1944:

Взяли Одессу, Джанкой, Керчь. <...> Я пропустила Вербную Неделю, Лазареву Субботу. Всегда бывала в церкви — скорее в честь «Лазаря» Мих<аила> Ал<ексеевича>. — Писем нет. (ЦГАЛИ СПб, 9, 10 об.).

13 апреля 1944:

«Алым ударит в ставни...» Сегодня — Феодосию, Евпаторию, Симферополь. Ходила в церковь на 12 Евангелий. Дождь, град. (ЦГАЛИ СПб, 9, 12).

13 апреля 1947:

Пасха. ...В четверг «Алым ударит в ставни» было тепло — тепло, весеннее солнце. (ЦГАЛИ СПб, 14, 112 об.).

1 апреля 1950:

Сегодня Лазарева суббота — День Мих<аила> Ал<ексеевича>... (ЦГАЛИ СПБ, 15, 52).

26 апреля 1951:

«Алым ударит в ставни...» Очень устаю. Это основное! Весна... мое любимое время года. (ЦГАЛИ СПБ, 16, 3 об.).

14 апреля 1952:

Да, в субботу попала в церковь. Оч<ень> много народу. Я люблю Лазареву субботу — «Лазарь» Мих<аила> Ал<ексеевича>, — Юрочка мой бедный! (а у него — Пасха) — почти все с вербами и бумажными цветами. Вчера днем было празднично, солнечно, и толпа на Невском, как раньше на Вербе. (ЦГАЛИ СПБ, 17, 7).

17 апреля 1952:

«Алым ударит в ставни...» и М<ихаил> Ал<ексеевич> тоже приснился. (ЦГАЛИ СПБ, 17, 7 об.).

28 марта 1953:

Лазарева суббота!.. <...> (Я видала во сне на днях Мих<аила> Ал<ексеевича> и Юру, детьми; М<ихаил> Ал<ексеевич> был как на детской карточке 3 лет, черноглазым цыганёнком!) (ЦГАЛИ СПБ, 18, 32 об.).

4 апреля 1953:

В «алым ударит в ставни Св<ятой> Четверг» поздно вечером зашла в церковь, а вчера тоже к Плащанице. <...> Я еще забыла написать, что во сне видала и М<ихаила> Ал<ексеевича>, что неудивительно, т<ак> к<ак> я вспоминаю его всегда особенно в связи с его любимыми днями — Лазаревой субботой и Великим Четвергом. (ЦГАЛИ СПБ, 18, 32 об.—33).

11 апреля 1955:

В Лаз<ареву> Суб<боту> заехала в церковь в честь Мих<аила> Ал<ексеевича> и Юрочки моего. (ЦГАЛИ СПБ, 19, 43 об.).

16 апреля 1955:

Страстная суббота. День. Причащалась в Св<ятой> Четверг. Был день пасмурный, ходила к Ранней. «Разве зима — смерть?.. Алым ударит...» Нет, алого луча не было. (ЦГАЛИ СПБ, 19, 43 об.).

28 апреля 1956:

Лазарева Суббота. Сег<одня> причащалась за Ранней обедней. Сейчас день (около 4-х), лучи стали освещать слегка и небо заголубело, но с утра было туманно и дождливо. Зато вчера вечером небо над Михайл<овским> сквером сквозь ветки деревьев — апрельское, вечернее, самое лучшее в году — золотисто розовело и сиренево серело — туманным сиянием. «Алым ударит в ставни...» Нет, что я. Я помню о Мих<ихаиле> Ал<ексеевиче>, — его стихи — но ведь сегодня Лазарь. (ЦГАЛИ СПб, 20, 18 об.).

30 апреля 1959:

«Алым ударит...» да, дорогой Михаил Алексеевич! (ЦГАЛИ СПб, 22, 16 об.).

16 апреля 1960:

Завтра Пасха. Забываю многое, но не забываю стихов М<ихаила> Ал<ексеевича>, «Лазаря» и «Алым ударит в ставни...» (ЦГАЛИ СПб, 23, 13).

22 апреля 1965:

И «Алым ударит в ставни» (сегодня) и «Лазарь» («дождик, дождик маленький»⁴²)... новая Весна! (ЦГАЛИ СПб, 7, 3).

18 апреля 1970:

Лазарева суббота. Милый Михаил Алексеевич, Ваша Суббота. Утром на минуту зашла в церковь. Нет сил стоять. (Дневник, 39 об.).

11 апреля 1974:

«Алым» — нет, снег, мокрый снег, скользко, печальная картина. Во сне — будто похороны Мих<аила> Ал<ексеевича>. (Дневник, 99).

2 мая 1975:

Стр<астная> Пятница. «Алым ударит» — (вчера — наверное, последний раз вписала я эти строки М<ихаила> Ал<ексеевича>)!.. (ЦГАЛИ СПб, 25, 25).

День именин Кузмина, 21 ноября, Ольга Николаевна тоже не забывала, что не удивительно...

21 ноября 1942:

День именин Мих<аила> Алекс<еевича>. Падает снег. А во сне мне Юрочка приснился — хорошо так. (ЦГАЛИ СПб, 7, 37).

20 ноября 1944:

Сегодня сон про Юрочку. Ведь завтра именины Мих<аила> Ал<ексеевича>!.. и... с 20 года? — 24 года — как Юра меня начал любить...Сегодня вечером... Ах, этот вечер! Козни Мандельштама и бурная сцена с Гумилевым⁴³... (ЦГАЛИ СПб, 9, 42 об.).

20 ноября 1945:

Сегодня тоже памятный день. 25 лет тому назад Юрочка в меня по-настоящему влюбилась. <...> Завтра именины Мих<аила> Алекс<еевича>. (ЦГАЛИ СПб, 11, 14 об.).

23 ноября 1946:

В день именин М<ихаила> А<лексеевича> выпал чудный снег... (ЦГАЛИ СПб, 13, 25).

29 ноября 1950:

...я пропустила и день смерти Лины Ив<ановны>, и день рождения М<ихаила> Ал<ексеевича>, и даже его именины — ведь этот день был днем, когда Юрочка в меня влюбилась, а Г<умилев> приревновал к Мандельштаму... (ЦГАЛИ СПб, 15, 84).

25 ноября 1951:

Под день именин М<ихаила> А<лексеевича> была в церкви; потеряла варежку и перчатку с пр<авой> руки. (ЦГАЛИ СПб, 16, 26).

20 ноября 1954:

Сегодня — в субботу, — (канун именин М<ихаила> А<лексеевича>) — будет годовщина моего зарождающегося романа с Юрочкой. Все в жизни страшновато. (ЦГАЛИ СПб, 19, 19).

22 ноября 1954:

Сегодня пошла в церковь (Юрину Спасскую) утром, так как вчера я захала ненадолго слишком после службы; в честь Мих<аила> Алекс<еевича>. (ЦГАЛИ СПб, 19, 19 об.).

3 декабря 1955:

В день именин М<ихаила> Ал<ексеевича> была в церкви, хоть на минуту. Нарисовала хорошую картинку — Бодлэровскую красавицу. (ЦГАЛИ СПб, 20, 9).

20 ноября 1956:

А сегодня канун именин М<ихаила> А<лексеевича> и моя первая «встреча» с Юрочкой. (ЦГАЛИ СПб, 20, 34 об.).

22 ноября 1965:

Вчера ходила в церковь к Спасу — именины Мих<аила> Ал<ексеевича>. Было очень много народа в церкви. (ЦГАЛИ СПб, 7, 5).

21 ноября 1947:

День именин Михаила Алексеевича. Погиб ли бесспоротно его дневник? Исчезла ли с лица земли его могила? (ЦГАЛИ СПб, 14, 94 об.).

Долгие годы могила Кузмина была заботой Ольги Николаевны.

1 марта 1941: Суббота. (ночь — с пятницы на субботу).

...ездила на кладбище, завтра в ночь умер М<ихаил> А<лексеевич>. Сугробы, снега; мальчики предложили мне расчистить снег, что и сделали очень ловко и весело; даже лезли на крышу. (ЦГАЛИ СПб, 6, 11).

17 апреля 1941: (ночь с Вел<икой> Среды на Великий Четверг).

В понедельник ездила на Волково, отвезти вербу Мих<аилу> Ал<ексеевичу>. У него чисто, спасибо мальчикам. (ЦГАЛИ СПб, 6, 20).

С мая 1941 по декабрь 1948 года О. Н. Гильдебрандт жила на Урале в семье сестры. После возвращения в Ленинград она продолжила ухаживать за могилой Кузмина. Из ее записей мы узнаем, когда была «упразднена» могила и сколько лет на Литераторских мостках не было обозначено место захоронения поэта.

17 июня 1949:

В Духов День съездила к папе на Охту. <...> На другой день съездила к М<ихаилу> Ал<ексеевичу>. Долго чистила могилу; мне парни предложили свои услуги, и за 5 р<ублей> посыпали песком и вырвали сорную траву. Купила гирлянду из ёлки. Парни предложили сделать крест задешево — из-за... моей молодости. (ЦГАЛИ СПб, 15, 9).

18 июля 1950:

...навестила могилу Вер<оники> Кар<ловны>⁴⁴, вырывала траву. Мих<аил> Алекс<еевич> оказался в музейной черте — я была поздно и не попала к нему. После прошла в Михайловский сад, где больше от его души, чем на кладбище. (ЦГАЛИ СПб, 15, 70 об.).

10 июля 1951:

...сидела дома, только к вечеру пошла в церковь, к своей Небесной Красавице.⁴⁵ Хотела отнести М<ихаилу> Ал<ексеевичу> жасмину, но там ремонт. Издали поклонилась ему, спящему под кокетливым куполом беседки. (ЦГАЛИ СПб, 16, 11 об.).

6 октября 1951:

Этот месяц — месяц рождения М<ихаила> Ал<ексеевича>. Я его, бедного, не навещаю — подступа к его могиле нету. (ЦГАЛИ СПб, 16, 21).

6 октября 1952:

Вчера было так тяжело: была я на кладбище, наконец-то; ни могилы М<ихаила> Ал<ексеевича> уже нет — нет ни беседки, ни памятника Ульяновскому, все упразднено.⁴⁶ (ЦГАЛИ СПб, 18, 12 об.).

7 октября 1952:

Все мои мысли поглотились могилой М<ихаила> Ал<ексеевича>. Я когда-то хотела бросить ему вслед в землю свои модные листы — как цветы... Теперь нет ни любимых листов, ни его могилы. Как у Моцарта?!... Вот время! Нет могил Гумилева, Мандельштама, Кузмина... (ЦГАЛИ СПб, 18, 13).

31 августа 1953:

...могилы Вер<оники> К<арловны> и Мих<аила> Ал<ексеевича> у меня на совести. (ЦГАЛИ СПб, 18, 52).

14 сентября 1953:

Вчера была на 3-х кладбищах. У папы, после у Мих<аила> Ал<ексеевича> и у Вер<оники> Карл<овны>. Слава Богу удалось зарегистрировать ее могилу. Хоть чем-то удружить Юрочке. У Мих<аила> Ал<ексеевича> зеленая травка. (ЦГАЛИ СПб, 18, 54).

22 декабря 1953:

Я подумала, конечно, о себе — ведь и я от бедности не могу рисовать, — занята Бог знает чем; а у Мих<аила> Ал<ексеевича> даже нет могилы — и не смотря на мою печаль, я не могу ничего сделать. (ЦГАЛИ СПб, 18, 66).

28 февраля 1954:

А завтра в ночь — годовщина (18-я) смерти Мих<аила> Ал<ексеевича>. (ЦГАЛИ СПб, 18, 79 об.).

27 августа 1954:

Не знаю, что будет со мной; и кладбище меня волнует — папина могила, могила бедного Михаила Алексеевича... (ЦГАЛИ СПб, 19, 9).

6 сентября 1954:

А все остальное плохо тоже. Вчера ездила на кладбище к Вер<онике>. Карл<овне>. Там все в порядке, а у бедного Мих<аила> Ал<ексеевича> так и нет могилы как у Моцарта было!.. Но все же это так грустно. (ЦГАЛИ СПб, 19, 10).

20 ноября 1954:

В прошлое воскресенье была на кладбище у папы. И там плохо: я боюсь очень, что около папы захоронят чужого. И даже нет на ограду... А у бедного М<ихаила> Ал<ексеевича> нет и могилы! Какая дурная наша жизнь!.. (ЦГАЛИ СПб, 19, 19).

22 ноября 1954:

Сегодня была лекция-концерт о Моцарте — похороненном в общей могиле — как у бедного Мих<аила> Ал<ексеевича> нет могилы!.. (ЦГАЛИ СПб, 19, 20).

1 марта 1955:

Сегодня день смерти М<ихаила> Ал<ексеевича> (в ночь). На буд<ущий> год будет 20 лет со дня его смерти. И такое забвение!.. Такого поэта!.. (ЦГАЛИ СПб, 19, 37).

7 мая 1955:

А М<ихаил> А<лексеевич> лежит в безымянной земле — без креста и без холмика... И я ничего не могу... (ЦГАЛИ СПб, 19, 47 об.).

9 марта 1956:

В день смерти М<ихаила> Ал<ексеевича> заходила в церковь. Продают мимозу. (ЦГАЛИ СПб, 20, 13 об.).

2 марта 1957:

Сегодня в ночь годовщина смерти Мих<аила> Алексеевича. 21 год!.. (ЦГАЛИ СПб, 20, 42 об.).

28 сентября 1957:

По счастью, была на кладбище у Вер<оники> Карл<овны> (а бедного М<ихаила> А<лексеевича> могилу опять не нашла)... (ЦГАЛИ СПб, 21, 4 об.).

31 октября 1958:

День рожд<ения> М<ихаила> Ал<ексеевича> я не помню. Но в несчастный день Юриной гибели⁴⁷ ездила на Волково, к Вер<онике> Карловне — и побродила по месту бывшей могилы Мих<аила> Ал<ексеевича>, недалеко от Лескова. Во сне летала... (ЦГАЛИ СПб, 22, 10 об.).

2 марта 1959:

Вот и день смерти Мих<аила> Алекс<еевича>. Не дни бегут — а годы. (ЦГАЛИ СПб, 22, 15).

29 апреля 1959: <в дневнике ошибочно 29 мая — Л. Х.>

Какая-то знакомая Нат<алии> Вл<адимировны>⁴⁸ говорит, что могила Мих<аила> Ал<ексеевича> существует — но я не там ищу, м<ожет> б<ыть> потому, что ограда перенесена иначе. (ЦГАЛИ СПб, 22, 16).

20 сентября 1961:

...могилы Мих<аила> Ал<ексеевича> найти не могу. (ЦГАЛИ СПб, 23, 26).

1 марта 1962:

День смерти Мих<аила> Алексеевича... 26 лет!.. (ЦГАЛИ СПб, 23, 29 об.).

25 сентября 1963:

В воскр<есенье> съездила на Волково. Нет могилы Мих<аила> Ал<ексеевича>... одно утешение, что у Моцарта, которого он ставил выше всех на свете после Христа, тоже пропала могила... (ЦГАЛИ СПб, 24, 14).

12 октября 1965:

В первый раз была чудная погода — а 10-го пошел снег — легкие снежинки. На месте где была могила М<ихаила> А<лексеевича> рос одинокий красный цветок шиповника... (ЦГАЛИ СПб, 7, 2 об.).

Спустя годы, недалеко от места, где ранее находилась ажурная беседка, украшавшая могилу Кузмина, появилась скромная плита с именем поэта. Пока ей позволяло здоровье, Ольга Николаевна приходила на Литераторские мостки.

5 октября 1966:

Бедного М<ихаила> Ал<ексеевича> могила без всего! У Вер<оники> Карл<ловны> ничего еще; я боюсь так далеко ходить, и оч<ень> скользко — но было солнце, и я покрыла желтыми листьями могилу... (Дневник, 8).

17 августа 1970:

В воскр<есенье> ездила на Волково кладбище. У Мих<аила>Алекс<еевича> плита как-то плохо налажена. (Дневник, 43).

О. Н. Гильдебрандт часто вспоминала похороны Кузмина, людей, которые поддерживали ее и Юркуна в тот тяжелый период. Вспоминала она и другое... размышляла о многом...

28 августа 1946:

Узнала о смерти (в дни блокады) — Гибшмана.⁴⁹ Он очень трогательно-грустно пришел первым на похороны М<ихаила> Ал<ексеевича>. Долго сидел в покойницкой, глядя на труп Кузмина — потом ушел. Талантливый был очень. Мир его праху. (ЦГАЛИ СПб, 13, 13 об.).

2 марта 1947:

Вчера был день смерти М<ихаила> Ал<ексеевича>. Был ветреный день — снежная метель; я ездила навестить Осмеркина,⁵⁰ который лежал в другой больнице. Мне хотелось порвать и бросить в могилу М<ихаила> Ал<ексеевича> самые лучшие, самые любимые моды. Мне казалось, что они мне противели навсегда. (ЦГАЛИ СПб, 13, 42).

15 ноября 1944:

Сег<одня> письмо от Мавриной⁵¹ <...> пишет про Мих<аила> Ал<ексеевича> и Лескова. Как порадовало бы Юру это письмо!.. Какая она дорогая!.. (ЦГАЛИ СПб, 9, 42).

7 января 1950:

После шла <нрзб.> Куйбышевской больницей,⁵² где лежали мертвыми дорогие мои Михаил Алексеевич, оплакиваемый друзьями, в скромных цветах, — и одинокая Лина Ивановна. — Громадная Луна. Деревья в инее... (ЦГАЛИ СПб, 15, 39–39 об.).

31 августа 1956:

И еще смерть: бедного Сергея Спасского.⁵³ Верно, это следствие войны. Он был на похоронах М<ихаила> Ал<ексе-

вича> и говорил речь — правда, не так хорошо, как мог бы, — гораздо хуже Саянова.⁵⁴ (ЦГАЛИ СПб, 20, 28).

31 октября 1958:

Умер С. Радлов.⁵⁵ Несчастье с Бор<исом> Пастернаком.⁵⁶ <...> Юрочка обиделся на них обоих — на С<ергея> Э<рнестовича>, за то, что он на похоронах М<ихаила> Ал<ексеевича> рано удрал и ничего не сказал (он был трусоват), и на П<аастернака>, что тот ничего не написал. (ЦГАЛИ СПб, 22, 10).

28 января 1959:

Умер Саянов. <...> за ту прекрасную речь, которую он произнес на похоронах М<ихаила> Ал<ексеевича>, я его навеки полюбила. И как он хорошо утешал меня на кладбище!.. А я так и не повидалась с ним, и не попросила его помочь в смысле <?> могилы М<ихаила> Ал<ексеевича>, исчезнувшей, как у Моцарта... (ЦГАЛИ СПб, 22, 14).

26 декабря 1972:

Умер еще Мих<аил> Слонимский.⁵⁷ Он как-то тепло отнесся к нам после смерти Мих<аила> Ал<ексеевича>. (Дневник, 70)

9 июля 1959:

Сег<одня> Гриша⁵⁸ <Левитин> едет в город по «художественным» делам. Я рада, что есть с кем поговорить на эти темы, и особенно с человеком, бывшем в дружеских отношениях с Юрой и на похоронах М<ихаила> Ал<ексеевича>. — Даже Константиновский⁵⁹ (сделавший зарисовки с покойного) умер, так мало осталось людей того времени. (ЦГАЛИ СПб, 23, 4).

9 марта 1966:

Умерла Анна Ахматова⁶⁰ — 5 марта — когда Прокофьев и С<талин>, близко от смертных дней Мих<аила> Ал<ексеевича>. <...> Бог пусть простит покойную Анну! Она обо мне даже писала в дневнике, но Юрочка очень обиделся на нее за то, что она не была на похоронах М<ихаила> Ал<ексеевича> (Пунин⁶¹ был, и очень трогательно проявил себя), — (и Лозинский⁶² был), — и вообще Юрочка обижался на нее и за то, что она всегда говорила о влиянии на нее Анненского⁶³ и умалчивала о влиянии Кузмина — которое было явно! (ЦГАЛИ СПб, 24, 30–30 об.).

13 апреля 1977:

...«Правлю» дневник М<ихаила> А<лексеевича>. Какая странная физиологическая жизнь! У меня гораздо все «спи-

ритуальнее». И потом такая ненависть к женскому полу! Даже смешно. Неудивительно, что Гумилев назвал его <нрзб.>. Поэтому и фрейдизм. Меня, как Ахматову, тянуло «чужое небо». А у К<узмина> родная Земля. Может быть, я не права. Я не была ласковым ребенком. У меня «любовь» — это любовь. А душа не тактильна <?>. Потому к детям нет умиления. Да и восхищают меня, пожалуй, взрослые кошки больше, чем котята. И жаль мне старую собаку больше, чем щенка. (ЦГАЛИ СПб, 25, 66).

2 марта 1978:

Как глупы женщины! Разве можно верить в светлое начало и ум этой злой бабы — Анны Ахм<атовой>. Кузмину можно прощать за его трагическую неполноценность. А ей?.. Что же тогда мне делать?! (ЦГАЛИ СПб, 25, 84 об.).

28 мая 1978:

Так меня огорчает смерть К<арсавиной>, ⁶⁴ а я ей не написала — ей было бы приятно, и М<ихаил> Ал<ексеевич> был бы доволен!.. Но я ленилась и медлила! (ЦГАЛИ СПб, 25, 92).

19 января 1955:

...Л<ев> <Раков> говорил, что он чувствовал себя перед М<ихаилом> Ал<ексеевичем> всегда идиотом, и что после Сомова⁶⁵, Бенуа⁶⁶ и т. д., — все собеседники, даже Анна⁶⁷ <Радлова>, были много ниже его; но что у М<ихаила> Ал<ексеевича> был всегда в запасе яд. Но один Юрочка был всегда во всем достойным его партнером, равного гения и великого диапазона мыслей и чувств, — и что все это клокотало неиссякаемо, хотя м<ожет> б<ыть>, несколько бесформенно и хаотично (я не так точно записываю, не теми словами). (ЦГАЛИ СПб, 19, 28).

Ольга Николаевна переживала, что уходит из мира «прекрасное, бывшие в прошлом — последние лучи Эллинизма 20 века»,⁶⁸ что Кузмина забывают:

22 сентября 1971:

Мне и Кузмина жалко. Ведь так его хвалили и любили при жизни! А теперь выпихивают на задний план. (Дневник, 56 об.).

8 мая 1976:

А бедного Мих<аила> Ал<ексеевича> совсем забыли. Я так и не узнала толком, из-за чего у К<узмина> с Ахм<ато-

вой> произошел разрыв. Князев?⁶⁹ Тамара Персиц?⁷⁰ — Но сколько вранья во всех слухах! (ЦГАЛИ СПб, 25, 53).

О. Н. Гильдебрандт старалась не пропускать ни одной публикации, в которой хотя бы упоминалось имя Кузмина; и это находило отражение в ее дневниковых записях.

1 сентября 1943:

Сег<одня> в библиотеке⁷¹ (здесь всего книг 20!..) книжка С. Спасского о Маяк<овском>.⁷² Упоминается Михаил Алекс<еевич>. (ЦГАЛИ СПб, 8, 49).

13 сентября 1951:

Вчера брала Ан<дрея> Белого⁷³ — отвратительная писанина и мерзко про Г<умилева>, а про М<ихаила> А<лексеевича> еще хуже; да и о Блоке — дружке не очень-то! (ЦГАЛИ СПб, 16, 17).

4 сентября 1960:

...Н<аталия> В<ладимировна> дала мне книжку Шилова,⁷⁴ где мило о Мих<аиле> Ал<ексеевиче>, а также есть о ряде знакомых... (ЦГАЛИ СПб, 23, 19).

18 марта 1969:

Плохая статья Гены Ш<макова>.⁷⁵ о Мих<аиле> Ал<ексеевиче> — так пишется история. (Дневник, 33 об.).

25 октября 1974:

...Гена Ш<маков>⁷⁶ забавно рассказывал, у него чудный <нрзб.>. Подарил свою книгу,⁷⁷ где хорошо говорит о Мих<аиле> Ал<ексеевиче>. (ЦГАЛИ СПб, 25, 3 об.)

О. Н. Гильдебрандт была недовольна публикациями некоторых известных мемуаристов, остро реагировала на искажение фактов или недоброжелательный тон, но особенно ревностно следила она за тем, что пишут о Кузмине друзья — люди, хорошо знавшие поэта.

18 октября 1970:

Я обиделась на Всеволода <Петрова>: он читал <...> свой очерк <Калиостро> о Кузмине,⁷⁸ и отнял у него патент на гениальность. А ведь мне он всегда говорил, что считает его гениальным и лучшим поэтом эпохи, лучше Блока и Ман-

д<ельштама>, — и за ним — будущее. Гена <Шмаков> считает лучшим — Манд<ельштама>, — а К<узмина> — самым обаятельным. (Дневник, 43 об.).

13 февраля 1971:

Но какая мерзость⁷⁹ — статья Мил<ашевского>!..⁸⁰ Вот тебе и друзья. Одно бахвальство! Как можно было так неделикатно написать о Кузмине? Он, между прочим, не очень любил Блока, как поэта, а тот, наоборот, любил К<узмина> и на том вечере было много народу, было что-то вроде юбилея К<узмина>. — Зато Мил<ашевский>⁸¹ восхваляет Анну <Ахматову> и Ираиду⁸² <Ирину Одоевцеву>, как мемуаристок! Вторая, «отплатила»! Поделом! (Дневник, 50).

16 октября 1971:

Письмо от Володи М<илашевского>. Мне жаль его, но его скверная и злая книга восстанавливают против него. Как можно было так пакостно отзываться о Мих<аиле> Алекс<еевиче> — и пламенно восхвалять милую Анну <Ахматову> и поганую врунью Раду <Ирину Одоевцеву>. В чем дело? (Дневник, 57).

7 января 1972:

Мил<ашевский> окончил книгу⁸³ и «печатает». Рад. Юля⁸⁴ гов<орит>, надо радоваться — он мой друг. Он хуже врага мне. Так наврать про М<ихаила> Ал<ексеевича>! Не лучше Леонида Борисова.⁸⁵ Только злее. Впрочем, Вс<еволод> Петров тоже навирает — думает, что талантлив. Это все такое мелкое, недостойное. (Дневник, 59).

19 января 1972:

У меня волнение: выходит новая книга Мил<ашевского> — каких еще гадостей не прочтешь? (Дневник, 59 об.).

29 апреля 1972:

Не отослала нужного письма Мил<ашевскому> — вдруг ему плохо и станет хуже? Правда может убить. Как не обидно, фальшиво молчу. Это не по мне! Всегда найдутся причины необходимости молчать — то трусость, то жалость, то просто знание, что все не так поймут. (Дневник, 63).

9 сентября 1972:

Я продолжаю сердиться на Милаш<евского> за его жестокосердную бестактность... (Дневник, 67).

31 января 1973:

...Юрочка на него <Милашевского> рассердился бы сильнее меня. Но тот Юрочку бы боялся. Не посмел пустить в свет такие выражения. (Дневник, 70 об.).

19 апреля 1978:

Такая я. — Непреклонная. <...> Правды не хочет никто. Только — легенду. Вся страна — про Л., и Голого Короля. Люди — про кого-то, кого-то..! (ЦГАЛИ СПб, 25, 88).

В 1960–1970-е годы творчеством поэта стали интересоваться советские и зарубежные исследователи. Это радовало и вселяло надежду, что придет еще время Кузмина.

17 марта 1966:

...звонил Савинов.⁸⁶ Я даже рада была его голосу. Спрашивал про людей в стихах К<узмина>. Говорил, что дал мой телефон (извинялся) студенту из Тарту⁸⁷ — хорошему человеку. У меня в память папы, Лины Ив<ановны> и Alte Frau⁸⁸ самое хорошее отношение к Тарту⁸⁹ — и желание там побывать. (ЦГАЛИ СПб, 24, 31 об.).

20 мая 1972:

Вчера веч<ером> неожиданно явился Савинов и сказал о «фон-Гюнтере»⁹⁰ из Зап<адной> Герм<ании> и французженке⁹¹ <Чимишкьян>, кот<орая> пишет о Кузмине. Ему я велела кланяться, и ее буду ждать не без волнения. (Дневник, 63 об.).

28 мая 1972:

Но еще о французженке. Очень хорошенькая черноглазая девушка в модном темно-синем костюме, с сереб<ряными> браслетами и черными локонами. Мих<аил> Ал<ексеевич> был бы рад такой прелестной поклоннице. Но я не понимаю, что ее привело брать тему для диссертации о Кузмине? <...> Деликатная «Sophie» не говорила ни о Г<умилеве>, ни о Юрочке. (Дневник, 64).

3 июля 1967:

Меня угнетает еще больше, что поднимают на щит Ахматову, жалеют Пастернака — стали вспоминать Мандельштама — (это хорошо!..) — зовут гением Булгакова — и совер-

шенно забыли про Юру. Если умрут Милаш<евский> и Раков, которые после смерти Юры называли его гениальным — что будет?.. Он мало печатался, и все — в обрывках, в листках — бывшее у меня в квартире — погребло во время войны. Я не спасла. Я ничего не смогла сделать. Я не мучаюсь за К<узмина> (я мучаюсь за его могилу — но если Саянов, Левушка, Петров ничего сделать не могли и не захотели) — что могу я?.. Я ухаживала за ней, пока ее не уничтожили... Но он печатался, и когда-нибудь, конечно, воскреснет его имя. (Дневник, 21).

18 октября 1970:

...К<узмин> останется пусть «не в гениях», но хотя бы такой прелестью, как Верлен⁹² во Франции. (Дневник, 43 об.).

Однажды Кузмин сказал не любившей хитрить Ольге: «Вы были бы лучше, если бы больше врали. Что у Вас за немецкая черта — прямота? Лотта⁹³!»⁹⁴ Совету друга Ольга Николаевна не последовала. Всю жизнь оставаясь собой, она считала, что «говорить (или писать) надо или правду, или молчать».⁹⁵ Однако в 1970-е годы из любви к Кузмину, понимая и оправдывая его, она написала: «Возраст М<ихаил> А<лексеевич> сбавил, но очень мало. Не надо, по-моему, “разоблачать” эту его тайну!»⁹⁶

Дневники Ольги Николаевны Арбениной-Гильдебрандт ценны своим личным, интимным, непосредственным чувством. Они рождались не для печати, а как свидетельство, вызванное желанием автора сохранить «остатки конкретных памяток»⁹⁷ о времени и о любимых людях, в число которых входил и Кузмин. Публикацией выдержек из дневников я хотела дать представление о восприятии Ольгой Николаевной Кузмина — человека. Отрывки из дневников — это и автохарактеристика самой Ольги Николаевны Арбениной-Гильдебрандт — восхитительной женщины, талантливой художницы, человека верного, достойного Великой Дружбы и Великой Любви.

¹ Гильдебрандт О. Н. М. А. Кузмин / Предисл. и коммент. Г. А. Морева, публ. и подгот. текста М. В. Толмачева // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. С. 264.

² В некоторых публикациях фамилия Арбенина указывается как сценический псевдоним Ольги Николаевны. Однако в метрической книге Сергиевского всей артил-

лерии собора (Сергиевский собор находился на углу Сергиевской ул. и Литейного пр. Здание разрушено в начале 1930-х) есть запись, что 26 декабря 1897 в семье артиста Императорских театров Николая Федоровича Арбенина и законной жены его Глафиры Викторовны родилась дочь Ольга. Крещена 16 января 1898 (ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 127, ед. хр. 776, л. 3 об.-4). Многочисленные документы педагогических курсов новых языков (ЦГИА СПб, ф. 51, оп. 8, ед. хр. 24, 26, 28, 29, 30, 33, 35, 38, 43, 66; ф. 139. оп. 1, ед. хр. 14408), документы Императорского петроградского театрального училища (ЦГАЛИ СПб, ф. 259, оп. 1, ед. хр. 1), государственной школы драматического искусства (ЦГАЛИ СПб, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 3, 6) подтверждают, что Ольга носила фамилию Арбенина. Вероятно, фамилию Арбенина на первую фамилию отца Гильдебрандт она поменяла в 1920-е по настоянию Ю. И. Юркуна: «Я вспоминаю “вины” Юры передо мной: то, что он дрался, то, что уговорил отречься от “русской” фамилии, считая ее искусственной, не пустил в Москву делать карьеру...» (ЦГАЛИ СПб, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 18, л. 38, запись от 14 мая 1953).

³ Далее по тексту ссылки на эти архивные материалы (ЦГАЛИ СПб), с указанием единицы хранения и листа.

⁴ Шадрин Алексей Матвеевич (1911–1983) — переводчик, литературовед, поэт. По просьбе Шадрина О. Н. Гильдебрандт в 1970-е написала воспоминания о Кузмине (см. примеч. 1).

⁵ Далее по тексту (Дневник), с указанием листа.

⁶ Попов Рюрик Борисович (1928–2019) — художник, писатель, друг и душеприказчик О. Н. Гильдебрандт.

⁷ С мая 1941 по декабрь 1948 Ольга Гильдебрандт жила на Урале в семье сестры. (Нижний Тагил, Каменск, Тавда, Ирбит, Свердловск).

⁸ См.: *Гильдебрандт-Арбенина О. Н.* «Девочка, катящая серсо...». Мемуарные записи. Дневники / Сост. А. Л. Дмитренко, автор вступ. статьи Н. В. Плунгян. М., 2007.

⁹ В подборке есть и ранее опубликованные отрывки.

¹⁰ *Гильдебрандт О. Н.* М. А. Кузмин. С. 262–290.

¹¹ *Гильдебрандт-Арбенина О. Н.* «Девочка, катящая серсо...». Мемуарные записи. Дневники. С. 173.

¹² «Я сейчас “работаю” над Аполлоном — перечитываю остроумные рецензии Г<умилева> и М<ихайла>. Ал<ексеевича>, — ведь этот журнал “сформировал” меня, так сказать». (ЦГАЛИ СПб, 22, 6, запись от 9 августа 1958).

Н. С. Гумилев и М. А. Кузмин были сотрудниками журнала «Аполлон», вели параллельно две рубрики: «Письма о русской поэзии» и «Заметки о русской беллетристике».

¹³ На этом вечере был прочтен доклад Е. А. Зноско-Боровского, опубликованный затем в виде статьи «О творчестве М. Кузмина» (Аполлон. 1917. № 4–5. С. 25–44).

¹⁴ Юркун Юрий Иванович (Осип Юркунас, литературный псевдоним — Юр. Юркун, 1895–1938, расстрелян) — писатель, художник, коллекционер, друг и партнер Кузмина; гражданский муж О. Н. Арбениной-Гильдебрандт в 1921–1938, автор многочисленных ее портретов; арестован 4 февраля 1938, расстрелян 21 сентября 1938. Ольга Николаевна всю жизнь ждала «любимого Юрочку», не веря в его гибель. Ср.: «Я должна (и не смею) сказать: Ю. мне больше чем муж или любовник — святой долг и любовь — это смысл моего существования, и что бы со мной ни было, пока я жива (даже, если не жив — он), я с ним неразрывно связана, и если порвать эту связь — я умру» (ЦГАЛИ СПб, 7, 68, запись от 8 мая 1942); «Господи! Пошли ему жизнь — жизнь на *этом* свете — еще на несколько лет, — и чтобы могли *узнать* друг о друге!..

Я готова умереть, но я буду говорить ему — через великие пространства этого мира: живи! живи! живи!..» (ЦГАЛИ СПб, 15, 99 об., запись от 24 марта 1951).

¹⁵ «Любовь чужая зацвела...» (1921), «Сколько лет тебе, скажи, Психея» (1930).

¹⁶ ЦГАЛИ СПб, 12, 14, запись от 5 апреля 1946.

¹⁷ Отметим здесь прямую цитату из романа Кузмина «Дитя и роза» («Дитя, не тнянися весною за розой...»), откуда идет это сравнение с сортом роз «Слава Дижона».

¹⁸ «Моцарт. Кого любят боги» — фильм 1942 (Австрия), режиссер Карл Хартль, в главной роли Ханс Хольт.

¹⁹ Арбенин (Гильдебрандт) Николай Федорович (1863–1906) — артист московского Малого театра (1885–1895), Александринского театра (с 1895), переводчик, автор книги «Западный театр» (СПб., 1906), один из создателей Союза музыкальных и драматических писателей.

²⁰ Раков Лев Львович (1904–1970) — историк, музейный работник, писатель.

²¹ Петров Всеволод Николаевич (1912–1978) — искусствовед, музейный работник, автор воспоминаний о Кузмине «Калиостро». (Впервые: Калиостро: Воспоминания и размышления о М. А. Кузмине / Публ. Г. Шмакова // Новый журнал. Нью-Йорк, 1986. Кн. 163).

²² Тихонов Николай Семенович (1896–1979) — поэт, публицист, общественный деятель.

²³ Метальников Владимир Дмитриевич (1901–1968) — переводчик, драматург.

²⁴ «Шведские перчатки» (1914) — роман в 3 частях, дебют Юр. Юркуна-прозаика.

²⁵ Шварц Антон Исаакович (1896–1954) — артист эстрады, мастер художественно-го слова, двоюродный брат драматурга Евгения Шварца.

²⁶ Глафира Викторовна Панова (1869–1944) — актриса московского Малого театра (1887–1895), Александринского театра (с 1895). Умерла и похоронена в Ирбите. В публикациях часто указывают неверный год смерти (1943).

«Сегодня мы похоронили маму — что же мне делать теперь? Хотя она почти оглохла и лежала большая и с трудом говорила, когда я стала плакать, она стала утешать меня. И вот теперь... кто меня будет утешать? Что я буду делать?.. В простом белом гробу. Дроги, сено, покрытое ковром. Маруся сделала рюшку из марли. Фиса принесла венки и ветку пихтовые <так>, и бумажные цветочки. Похоронили в белом костюме (пальто — посмертный подарок Мих<аила> Алексеевича). Мама не дождалась вести о Юрочке. (Дождусь ли я?) <...> Мама умерла через 8 лет и 2 недели после Мих<аила> Ал<ексеевича> — Завтра “Грачи”. Бедная мама не дожила до весны...» (ЦГАЛИ СПб, 9, 8 об.–9, 9 об., запись от 16 марта 1944).

²⁷ Мария Николаевна Арбенина (Саламатина) (1891–1959) — актриса и режиссер провинциальных театров, сестра О. Н. Арбениной-Гильдебрандт. Последние годы жила в Доме ветеранов сцены в Ленинграде. Похоронена на Серафимовском кладбище.

²⁸ Мандельштам Осип Эмилевич (1891–1938) — поэт, осенью–зимой 1920 года — поклонник Ольги Николаевны. Посвятил ей ряд стихотворений: «Когда Психея-жизнь спускается к теням...», «Я слово позабыл, что я хотел сказать...», «Возьми на радость из моих ладоней...», «За то, что я руки твои не сумел удержать...», «Мне жалко, что теперь зима...», «Я наравне с другими...», «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...» и др.

²⁹ Гумилев Николай Степанович (1886–1921, расстрелян) — поэт, драматург, критик, сотрудник журнала «Аполлон». В 1920 возлюбленный О. Арбениной, которая

всю жизнь вспоминала Гумилева и “незабываемый”, счастливый 1920 год!..» (ЦГАЛИ СПб, 18, 30 об., запись от 14 марта 1953). Во время празднования в Доме литераторов Нового 1921 произошел разрыв, «побег» Ольги к Юр. Юркуну (см.: *Гильдебрандт-Арбенина О. Н.* Девочка, катящая серсо.... Мемуарные записи. Дневники. С. 143).

³⁰ Лина Ивановна Тамм (Кулинька) (1875–1941) — няня и воспитательница Ольги Арбениной, жила в семье Арбениных-Гильдебрандт, умерла в блокадном Ленинграде.

³¹ Бахрушин Юрий Алексеевич (1896–1973) — историк балета, педагог, сын основателя Театрального музея в Москве А. Бахрушина. Юрий Алексеевич был влюблен в Ольгу Арбенину-Гильдебрандт, но она, увлеченная Бахрушиным и мечтавшая о своем доме, поездках за границу и красивых нарядах (все это мог дать Ю. Б.), не ответила согласием на его предложение. Последний раз Ольга Николаевна и Бахрушин встретились в декабре 1948, когда она через Москву возвращалась в Ленинград (после уральского «семилетия»).

«...появление в моей жизни Ю. Б. началось с музыки... еще до первого его письма ко мне, даже до первого письма к М<ихаилу> Ал<ексеевич>у, где он спрашивал об очаровательной “полу-кузине...” чуть ли не с первого взгляда... <...> а после — это была буйная симфония, оперная увертюра — и от белых гиацинтов (которые я не видела много, много лет, и о которых думала, как о счастье) — исходил запах любви, — я нюхала эти цветы, не как символ, но как талисман самой любви... Поэтому я верила в его любовь, п. ч. все вокруг кричало, пело, шептало про нее. Все вещи были насыщены ею. Да, это была “симфония счастья” — и длилась почти год. <...> Страдал Юрочка, хотя я всегда любила его. Музыка прекратилась в конце лета 34 г<ода>. Одна открытка от него была уже не такая, т. е., она была такая — а что-то в ней, невестественное, было не то. “Жизнь” излечила его от детской страсти, ненужной ему. Ведь он не поэт, не композитор, не художник» (ЦГАЛИ СПб, 18, 69, запись от 29 ноября 1953).

«...20 лет назад я мучилась, мучила Юрочку, но как я была счастлива!.. Это были из счастливейших дней моей жизни. М<ожет> б<ыть>, п<отому> ч<то> я ощущала свою жизнь, конкретную — пение в крови, — а не гадательно, не через стекло» (ЦГАЛИ СПб, 18, 75, запись от 23 января 1954).

«Он, посылая корзину розовых гиацинтов, написал: “Спасибо за счастье”. — Какое же это счастье для мужчины? Я не была его любовницей. Но в моей памяти всегда розовел розовый цвет счастья — цвет гиацинтов...» (Дневник, 87, запись от 30 декабря 1973).

³² Не обязательная, но возможна ассоциация — стихотворение Кузмина «О, плакальщицы дней минувших...» из цикла «Мудрая встреча» («Сети», 1908).

³³ Алексей Алексеевич Степанов (1903–1943) — музейный работник, историк театра.

³⁴ Алексей Иванович Саламатин (1925–1947) — племянник Ольги Николаевны, сын Марии Николаевны Арбениной (Саламатиной), в детстве заболел эпилепсией, с 1943 имел инвалидность, погиб (утонул) в 1947 в Свердловске при невыясненных обстоятельствах (самоубийство или приступ).

³⁵ Николай Константинович Бальмонт (1891–1926) — поэт, пианист, сын К. Д. Бальмонта.

³⁶ Каннегисер Леонид Иоакимович (1895–1918) — поэт, поклонник Ольги Арбениной, убийца М. С. Урицкого, расстрелян.

³⁷ Словосочетание «крылья любви» отсутствует в романе Кузмина «Крылья».

³⁸ Спасо-Преображенский собор в Ленинграде. В дневниковых записях Ольга Николаевна часто называет его «Юрочкина церковь». Собор находится недалеко от дома, где жили Кузмин и Юр. Юркун.

³⁹ Строчка из стихотворения Кузмина «Разбукетилось небо к вечеру...» (1917).

⁴⁰ «Волною морскою...» — ирмос канона Великой Субботы. Канон читается на богослужении утрени Великой Субботы.

⁴¹ Екатерина Николаевна Шадрина (1887–1970) — мать А. М. Шадрина, до войны — близкая подруга О. Н. Гильдебрандт. Уезжая на Урал в мае 1941, Ольга Николаевна оставила ей на хранение вещи. В феврале 1942, спасая умирающего сына, Екатерина Николаевна эвакуировалась из блокадного Ленинграда. Квартира Шадриных была разграблена, все вещи пропали. Ольга Николаевна тяжело переживала потерю, после войны женщины не общались.

⁴² Парафраз строчки из стихотворения «Домик» («Лазарь») («Форель разбивает лед», 1929).

⁴³ *Гильдебрандт-Арбенина О. Н.* Девочка, катящая серсо.... Мемуарные записи. Дневники. С. 138. В комментариях к тексту указывается, что вечер, после которого произошла бурная сцена между Гумилевым и Мандельштамом состоялся 21 октября 1920, однако Ольга Гильдебрандт много раз, вспоминая ссору поэтов и «начало любви» Ю. И. Юркуна, указывает другую дату — 20 ноября.

⁴⁴ Вероника Карловна Амбразевич (Амброзевич) (1868–1938) — мать Ю. И. Юркуна.

⁴⁵ Икона Божией Матери «Невская Скоропослушница» в Князь-Владимирском соборе Ленинграда.

«...зашла в Князь-Владимирский собор, — моя Небесная Красавица ласково глядит на народ...». (ЦГАЛИ СПб, 16, 10 об., запись от 2 июля 1951).

⁴⁶ Могилы Кузмина и А. Г. Ульяновского располагались рядом. При строительстве мемориала Ульяновым на Литераторских мостках в 1950-е годы для разбивки партера десятки могил были «упразднены», памятники сняты. По завершении работ памятник литератору А. Г. Ульяновскому (1887–1935) установили снова. Беседка, украшавшая могилу Кузмина, утрачена. В 1966 году рядом с надгробием Ульяновскому была установлена мраморная могильная плита поэту М. А. Кузмину.

⁴⁷ 20 сентября 1938 Ю. И. Юркуну был вынесен приговор — 10 лет без права переписки, что означало расстрел. Ольга Николаевна не знала о гибели Юркуна, но 20 сентября вспоминала как «Юрочкин страшный день» (ЦГАЛИ СПб, 15, 29 об., запись от 21 сентября 1949), «день его страшного отъезда» (ЦГАЛИ СПб, 16, 18, запись от 21 сентября 1951).

⁴⁸ Наталия Владимировна Султанова (1895–1976) — библиотековед, библиограф, близкая подруга О. Н. Гильдебрандт.

⁴⁹ Гибишман Константин Эдуардович (1884–1942?) — артист эстрады и кино, конферансье.

⁵⁰ Осьмеркин Александр Александрович (1892–1953) — художник.

⁵¹ Маврина Татьяна Алексеевна (1902–1996) — живописец, график, иллюстратор книг, театральный художник.

⁵² Сегодня вновь Мариинская больница (Литейный пр., 56). 1 марта 1936 в Куйбышевской больнице умер Кузмин.

⁵³ Спасский Сергей Дмитриевич (1898–1956) — поэт, прозаик.

⁵⁴ Саянов (наст. фам. Махлин) Виссарион Михайлович (1903–1959) — советский писатель, поэт, редактор.

⁵⁵ Радлов Сергей Эрнестович (1892–1958) — режиссер, художественный руководитель «Молодого театра» (с 1934 — театр под руководством Радлова, в 1939–1942 — театр имени Ленинградского совета).

⁵⁶ Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) — поэт. Речь идет о начале травли Пастернака после присуждения ему Нобелевской премии.

Ср.: «Я возмущена главным образом на друзей-писателей, которые из зависти не повлияли на П<астернака>, чтобы предотвратить поступок П<астернака>, очень неосторожный. Даже молодежь верит в то, что Шолохов украл чужую рукопись “Тихого Дона”; по мерзкой роже его видно! Безусловно из печатающихся П<астернак> был много выше всех, ведь все такое барахло, кроме Ал<ексея> Толст<ого> и Тих<ого> Дона (я не люблю Т<ихий> Дон, мне скучно, но объективно я согласна на его значение). П<астернак> очень непонятный, как музыка — но мысли его глубокомысленны и ритмический темперамент очаровывает» (ЦГАЛИ СПб, 22, 10, запись от 31 октября 1958).

«По радио ерундовый бред вранья и подхалимства. Л<ев> Л<ьвович> <Раков> говорил, что писатели требовали расстрела (!) Пастернака!!!» (ЦГАЛИ СПб, 22, 14 об., 31 января 1959).

⁵⁷ Слонимский Михаил Леонидович (1897–1972) — писатель, член группы «Серапионовы братья».

⁵⁸ Григорий Моисеевич (Михайлович) Левитин (1914–1982) — врач, коллекционер, искусствовед.

⁵⁹ Константиновский Александр Иосифович (1906–1958) — театральный художник и график. О рисунке, сделанном А. И. Константиновском см.: URL: <https://m-a-kuzmin.livejournal.com>

⁶⁰ Ахматова (Горенко) Анна Андреевна (1889–1966) — поэт, переводчик.

⁶¹ Пунин Николай Николаевич (1888–1953, в заключении) — искусствовед, художественный критик, в 1924–1938 годах муж Ахматовой.

⁶² Лозинский Михаил Леонидович (1886–1955) — поэт, переводчик.

⁶³ Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909) — поэт, переводчик, педагог, директор Николаевской мужской гимназии в Царском Селе.

⁶⁴ Карсавина Тамара Платоновна (1885–1978) — балерина, педагог, с 1918 в эмиграции, автор воспоминаний «Театральная улица». «Т. П. Карсавиной» — стихотворение Кузмина (1914).

⁶⁵ Сомов Константин Андреевич (1869–1939) — живописец, график, член объединения «Мир искусства», с 1923 в эмиграции.

⁶⁶ Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) — живописец, график, театральный художник, историк искусства, мемуарист, один из организаторов объединения «Мир искусства», с 1926 в эмиграции.

⁶⁷ Анна Дмитриевна Радлова (1891–1949, в заключении) — поэтесса, писательница, переводчица, с 1914 жена С. Э. Радлова, адресат нескольких стихотворений Кузмина, ей посвящен цикл «Форель разбивает лед» (июль 1927).

⁶⁸ ЦГАЛИ СПб, 18, 47 об., запись от 29 июля 1953.

⁶⁹ Князев Всеволод Гаврилович (1891–1913) гусар, поэт, адресат стихотворений Кузмина.

⁷⁰ Персиц Тамара Михайловна (?–1955) — писательница, меценатка, владелица издательства «Странствующий энтузиаст», выпустившего роман Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (Пб., 1919), с 1921 в эмиграции. Кузмин посвятил ей «Стихи об Италии» (1920).

⁷¹ Речь идет о библиотеке в Тавде (город в Свердловской области), где Ольга Николаевна жила в то время.

⁷² *Спасский Сергей*. Маяковский и его спутники: Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1940. Кузмин упоминается на страницах этой книги два раза в нейтральном контексте.

⁷³ Очевидно, имеется в виду книга воспоминаний Андрея Белого «Между двух революций» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934).

⁷⁴ *Шилов Ф. Г.* Записки старого книжника. М.: Искусство, 1959.

⁷⁵ *Шмаков Г. Г.* Михаил Кузмин. // День поэзии, Л., 1968. С. 194–195.

⁷⁶ Шмаков Геннадий Григорьевич (1940–1988) — литературовед, переводчик, с конца 1975 в эмиграции.

⁷⁷ *Шмаков Г. Г.* Блок и Кузмин: (Новые материалы) // Блоковский сборник. 2. Тарту, 1972. (Тартуский гос. университет). С. 341–364.

⁷⁸ *Петров В. Н.* Турдейдская Манон Леско. СПб., 2016. С. 127–181. В своем очерке о Кузмине Петров описывает эпизод с Гумилевым со слов Ольги Николаевны, не сомневаясь в правдивости ее высказываний. Также он приводит стихотворение Кузмина, которое ранее никогда не публиковалось: «Не губернаторша сидела с офицером...». В дневнике О. Н. Гильдебрандт за 22 ноября 1954 (ЦГАЛИ СПб, 19, 20 об.) приведена строчка из этого стихотворения: «Михайлушка» — «я женщина, жалею и злодея; но «этих за людей я не считаю...» Вполне возможно, что текст этого стихотворения Кузмина был передан Петрову Ольгой Николаевной.

⁷⁹ Не можем не отметить, что О. Н. Гильдебрандт, как натура эмоциональная и импульсивная, могла быть крайне субъективна и резка в своих оценках. Неприкасаемых не было. Даже мама, няня и любимый Юрочка подвергались, порой, критике. Пожалуй, меньше всего «досталось» Кузмину.

⁸⁰ *Милашевский В. А.* В доме на Мойке // Звезда. 1970. № 12. С. 187–201.

⁸¹ Милашевский Владимир Алексеевич (1893–1976) — художник-график, акварелист, живописец, участник группы «13».

⁸² Одоевцева Ирина Владимировна (Ираида Густавовна Гейнике) (1901–1990) — поэтесса, прозаик, ученица Гумилева, жена Г. В. Иванова, автор воспоминаний «На берегах Невы» (Washington: Kamkin, 1967) и «На берегах Сены» (Edition de «La presse Libre» Paris, 1983).

⁸³ *Милашевский В. А.* «Вчера, позавчера...» Л., 1972.

⁸⁴ Юлия Казимировна Полаймо (1909–1976) — помощница по хозяйству, подруга и, по словам Ольги Николаевны, ее «камеристка». В феврале 1952 «бездомная» Ольга Николаевна сняла угол у Полаймо в небольшой комнатке, которая располагалась в арке базилики Святой Екатерины Александрийской (Невский пр., д. 32–34). В 1960 О. Н. Гильдебрандт получила комнату в коммунальной квартире на Таврической улице, но осталась жить у Юлии Казимировны. «Чудесный “старый” Петербург — мой дом — костел на Невском» (ЦГАЛИ СПб, 18, 49, запись от 11 августа 1953).

⁸⁵ *Борисов Л. И.* Родители, наставники, поэты...: Книга в моей жизни. М., 1967.

⁸⁶ Савинов Алексей Николаевич (1906–1976) — искусствовед, музейный работник, педагог.

⁸⁷ Неустановленное лицо.

⁸⁸ Мать няни Лины Ивановны Тамм. Alte Frau часто гостила в семье Арбениных-Гильдебрандт.

⁸⁹ Н. Ф. Арбенин (Гильдебрандт) и семья Тамм были родом из Тарту (Юрьева).

⁹⁰ Иоганнес фон Гюнтер (1886–1973) — немецкий поэт, прозаик, переводчик, сотрудник журнала «Аполлон»

⁹¹ Satho Tchimichkian — публикатор отрывков из переписки Кузмина с Г. В. Чичериным (*Tchimichkian Satho. Extraits de la correspondance Mihail Kuzmin — Georgij Cicerin // Cahiers du monde russe et sovietique. 1974. Vol. 15. № 1–2. Janvier–juin. P. 147–181*). Преподавала русскую литературу в Париже и Руане.

⁹² Верлен Поль (1844–1896) — французский поэт.

⁹³ Лотта — героиня романа Гете «Страдания юного Вертера» (1774).

⁹⁴ *Гильдебрандт-Арбенина О. Н.* Девочка, катящая серсо... Мемуарные записи. Дневники. С. 180.

⁹⁵ ЦГАЛИ СПб, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 26, л. 15.

⁹⁶ Дневник, 103 об.; без даты.

В автобиографиях Кузмин указывал разные годы своего рождения, уменьшая реальный возраст. На мемориальной плите на Литераторских мостках значится неверный год рождения поэта — 1875. Вероятно, следуя примеру Кузмина, в 1930-е Ольга Николаевна, которую тоже «угнетал» «паспортный» возраст» (ЦГАЛИ СПб, 15, 10, запись от 17 июня 1949) год своего рождения исправила на 1901.

⁹⁷ ЦГАЛИ СПб, 18, 57 об., запись от 27 сентября 1953.